

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВТОРОЙ ТОМЪ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

С

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ.
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1883

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое іюля, 1883.

Милостивый манифестъ 15-го мая.—Новый законъ о раскольникахъ; его достоинства и недостатки. Главное препятствіе къ правильному разрѣшенію вопроса о расколѣ.—Законъ о выморочныхъ дворянскихъ имуществахъ.—Толкъ о «дворянскомъ принципѣ».—Прекращеніе закавказскаго транзита.—Законъ объ акціонерныхъ коммерческихъ банкахъ и земскихъ эмеритальныхъ касссахъ.

Послѣдніе отголоски торжества, совершившагося въ Москвѣ полтора мѣсяца тому назадъ, затихаютъ и въ обществѣ, и въ печати. Праздничное настроеніе умовъ уступаетъ мѣсто будничному, ежедневная жизнь опять входитъ въ свою обычную колею. Настала минута, удобная для ретроспективнаго обзора, для болѣе подробной оцѣнки мѣръ, ознаменовавшихъ памятные майскіе дни 1883 года. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ могутъ быть названы, впрочемъ, традиціонными; измѣняясь лишь въ подробностяхъ, онѣ повторяются изъ царствованія въ царствованіе, не только при коронованіи государей, но и по поводу другихъ торжественныхъ событій. Къ мѣрамъ этого рода относится, прежде всего, „милостивый манифестъ“, которымъ всегда даруются льготы съ одной стороны, плательщикамъ податей и вообще должникамъ государства, съ другой стороны—осужденнымъ или могущимъ быть осужденными за уголовныя преступленія. Характеръ подобныхъ льготъ — преимущественно общій; онѣ предоставляются, болѣею частью, не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлымъ категоріямъ лицъ, подходящимъ подъ опредѣленные условія. Недоимки того или другого сбора слагаются не съ тѣхъ, чью платежную способность онѣ превышаютъ, а безразлично со всѣхъ плательщиковъ сбора; отъ наказанія освобождаются вполне или отчасти, не тѣ осужденные, которые особенно заслуживаютъ снисхожденія, а всѣ осужденные извѣстнаго разряда. Объясненіе этому слѣдуетъ искать въ тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми была бы сопряжена повѣрка, въ каждомъ

отдѣльномъ случаѣ, правъ недомыслина или преступника на царскую милость; огульное сложеніе недоимокъ оправдывается, сверхъ того, обременительностью налоговъ, тяготящихся на податныхъ сословіяхъ, въ особенности на крестьянствѣ. Можно утверждать, не рискуя знатъ въ ошибку, что значительнѣйшая часть недоимокъ подушной подати и выкупныхъ платежей образовалась именно вслѣдствіе несообразности налога съ средствами населенія, и что сложеніе ихъ является актомъ справедливости по отношенію къ плательщикамъ. Не вполнѣ цѣлесообразнымъ огульное сложеніе недоимокъ кажется намъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда причиной наводненія ихъ съ одинаковой достовѣрностью можно признать и дѣйствительную несостоятельность, и простую несправность плательщиковъ. Такъ, на примѣръ, подъ дѣйствіе манифеста подведены не поступившія въ казну по день коронаціи процентныя и штрафныя деньги, исчисляемыя за несвоевременный взносъ разсроченныхъ платежей акциза и пошудныхъ денегъ за соль, а также за несвоевременный взносъ разсроченной при покупкѣ казенной соли платы. Воспользуются этой льготой, въ большинствѣ случаевъ, люди далеко не бѣдные—купцы, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается или по крайней мѣрѣ сосредоточивалась, до отмены соляного акциза, оптовая торговля солью. Для многихъ изъ нихъ сложеніе недоимки будетъ подаркомъ, едва ли заслуженнымъ и вовсе не соответствующимъ ихъ имущественному положенію. Разборъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ накопилась недоимка, не представлялъ бы здѣсь большой трудности, потому что число недоимщиковъ этого рода, безъ сомнѣнія, невелико. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о содержателяхъ казенныхъ имѣній и оброчныхъ статей, освобождаемыхъ манифестомъ отъ разныхъ числящихся за нихъ взносовъ. Къ числу долговъ, погашаемыхъ манифестомъ, принадлежатъ, далѣе, состоящія въ недоимкѣ за дворянствомъ разныя губерніи суммы, слѣдующія за содержаніе пансіонеровъ дворянства въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также денежныя позанмствованія изъ бывшаго государственнаго земскаго сбора на разныя нужды дворянства. Дворянство, какъ корпорація, причисляется въ настоящемъ случаѣ къ разряду плательщиковъ, также имѣющихъ право на государственную помощь.

Въ той части манифеста, которая касается осужденныхъ и подсудимыхъ, принципъ огульности льготъ проведенъ не такъ строго. Видъ и степень оказываемаго снисхожденія зависятъ здѣсь преимущественно отъ наказанія, опредѣленнаго за преступленіе или проступокъ; но рядомъ съ этимъ условіемъ принимаются въ соображеніе и другія. Такъ, на примѣръ, общее правило, въ силу котораго

вовсе освобождаются отъ суда или наказанія обвиняемые или обвиненные въ проступкахъ, не влекущихъ за собою ни лишения, ни ограниченія правъ состоянiя, допускаетъ два исключенiя, противоположнаго свойства: оно не распространяется на оскорбленiя чести, преслѣдуемыя по частной жалобѣ, и на преступленiя противъ собственности, хотя бы наказанiе за нихъ и не превышало указанныхъ выше предѣловъ—но распространяется на составленiе фальшивыхъ паспортовъ и прожительство съ ними, хотя наказанiе за эти проступки и сопряжено съ лишенiемъ всѣхъ особыхъ правъ состоянiя. Оба исключенiя вполнѣ понятны и законны, въ особенности второе, позволяющее ожидать скорого смягченiя наказанiй за нарушенiе узаконенiй о паспортахъ. Льготы, дарованныя ссыльно-поселенцамъ и ссыльно-каторжникамъ, вовсе не имѣютъ огульнаго характера; воспользоваться ими могутъ только тѣ, за которыми министромъ внутреннихъ дѣлъ или генералъ-губернаторомъ восточной Сибири будетъ признано право на снисхожденiе. Такой способъ примѣненiя льготъ можетъ имѣть свои хорошiя стороны. Распространенiе льготъ на цѣлыя категорiи осужденныхъ неминуемо влечетъ за собою, съ одной стороны, предоставленiе ихъ лицамъ, вовсе ихъ недостойнымъ, съ другой стороны—предоставленiе ихъ въ одинаковой мѣрѣ лицамъ, имѣющимъ далеко не одинаковое на нихъ право. Для нѣкоторыхъ изъ числа осужденныхъ, какъ бы тяжело ни было предстоящее имъ или переносимое ими наказанiе, снисхожденiе, по всей справедливости, могло бы быть доведено даже до полного помилованiя; для другихъ оно могло бы быть заключено въ болѣе тѣсныя рамки. Иными словами, рядомъ съ огульнымъ, не особенно значительнымъ уменьшенiемъ наказанiй, могло бы быть допущено несравненно болѣе широкое смягченiе ихъ для отдѣльныхъ лицъ, сообразно съ свойствомъ преступленiя и съ обстоятельствами, при которыхъ оно было совершено. Само собою разумѣется, что степень смягченiя, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, должна была бы зависѣть не отъ единичнаго усмотрѣнiя, а отъ рѣшенiя коллегiи, съ участiемъ представителей судебной власти. При такомъ порядкѣ, льготы потеряли бы, по крайней мѣрѣ отчасти, свой случайный характеръ и обусловились бы не только временемъ совершенiя преступленiя или произнесенiя приговора, но и болѣею или меньшею виновностью осужденныхъ, болѣею или меньшею вѣроятностью ихъ исправленiя. Для лицъ, еще не осужденныхъ, мѣра смягченiя могла бы быть опредѣляема самимъ судомъ, при постановленiи приговора.

Между другими правительственными мѣрами, состоявшимися почти въ одно время съ коронаціей и соединенными съ нею вну-

тѣсной связью, особенное вниманіе обращаютъ на себя законы 3-го мая о раскольникахъ и о выморочныхъ дворянскихъ имуществѣхъ. Первый изъ нихъ несомнѣнно долженъ быть признанъ существенной переменою къ лучшему въ положеніи раскольниковъ. Весьма важно то, что за раскольниками утверждено, въ принципѣ, право собираться для общественной молитвы не только въ частныхъ домахъ, но и въ особо предназначенныхъ для того зданіяхъ—моленныхъ, часовняхъ и т. п. Пользованіе этимъ правомъ обставлено, однако, такими условіями, которыя могутъ до крайности уменьшить или даже парализовать его значеніе. Если раскольническая моленная перестаетъ теперь быть чѣмъ-то безусловно запрещеннымъ и противозаконнымъ, то къ чему обуславливать всякое исправленіе или возобновленіе ея разрѣшеніемъ губернатора? Можно ли вообразить себѣ такіа обстоятельства, которыя представлялись бы законнымъ, справедливымъ поводомъ къ отказу въ разрѣшеніи? Раскольническія моленные сохранились только тамъ, гдѣ потребность въ нихъ была велика и неотразима. Нелегко было найти мѣсто для общественной молитвы, когда она составляла преступленіе, когда хозяинъ дома, въ которомъ она совершалась, въ каждую данную минуту могъ быть привлеченъ къ суду, молитвенныя принадлежности—подвергнуты конфискаціи. Преодолѣть всѣ эти препятствія, значило доказать наглядно, какъ дорога, какъ необходима моленная для окружающаго ее раскольническаго населенія. Эта необходимость теперь, по видимому, признается и закономъ—но вмѣстѣ съ тѣмъ администраціи дается власть отрицать или игнорировать ее. Исправленіе или возобновленіе моленной ничего не измѣняетъ въ положеніи дѣль, фактически существовавшихъ даже при дѣйствіи прежнихъ узаконеній; не слѣдуетъ ли отсюда, что оно должно совершаться безпрепятственно и свободно? Ремонтныя работы въ моленной могутъ быть такого рода, что до исполненія ихъ должно быть приостановлено богослуженіе; иногда необходимо приступить къ ремонту безъ малѣйшаго замедленія, подѣ опасеніемъ трудно поправимыхъ или вовсе непоправимыхъ поврежденій. Понятно, съ какими неудобствами будетъ сопряжена, въ томъ и другомъ случаѣ, всякая задержка въ разрѣшеніи, испрашиваемомъ изъ губернскаго города. А если разрѣшеніе не только запоздаетъ, но не придетъ вовсе? *Возможность* такого исхода допустить необходимо, потому что разрѣшеніе, требуемое закономъ, не можетъ же быть пустою формальностью, не можетъ разумѣться само собою. Губернатору стобитъ только воспользоваться дискреціоннымъ правомъ отказа—и раскольническое населеніе мѣстности, въ которой находится моленная, очутится въ томъ же положеніи, въ какомъ оно находилось до изданія закона 3-го

мая. Намъ кажется, что для достиженія тѣхъ цѣлей, къ которымъ, повидному, стремился законодатель, вполне достаточно было бы обязать раскольниковъ *уведомлять* губернатора о всякомъ предпринимаемомъ ими исправленіи или возобновленіи моленной. Это для бы администраціи возможность наблюдать, чтобы при исправленіи моленной ей не былъ данъ внѣшній видъ православнаго храма (см. § 8 закона 3-го мая).

Исправленіе или возобновленіе моленной разрѣшается губернаторомъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы общій видъ исправляемаго или возобновляемаго строенія не былъ измѣняемъ. Для такой перемены, равно какъ и для открытія новой моленной, должно быть испрашено разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Открытіе новой моленной разрѣшается въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ значительное населеніе раскольниковъ не имѣетъ ни часовень, ни другихъ молитвенныхъ зданій, съ тѣмъ, чтобы подъ моленную было обращено существующее уже строеніе. И здѣсь, слѣдовательно, все зависитъ отъ усмотрѣнія администраціи; разрѣшеніе измѣнить внѣшній видъ существующей моленной или открытъ новую моленную можетъ быть дано или не дано, смотря по заключенію, къ которому придетъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Къ этому существенному недостатку закона присоединяются и другіе. Неужели расширеніе существующаго уже молитвеннаго зданія, надстройка или пристройка къ нему новаго помѣщенія, увеличеніе числа или размѣра дверей или оконъ, замѣна плоской крыши высокою или на оборотъ—дѣло настолько важное, что оно не можетъ быть допущено безъ разрѣшенія высшаго представителя административной власти? Неужели моленная, устроенная на пятьсотъ человекъ, должна оставаться неизмѣнной и тогда, когда раскольниковое населеніе данной мѣстности увеличилось вдвое или втрое? Неужели *незначительное* раскольниковое населеніе, не успѣвшее обзавестись моленною до изданія новаго закона, должно быть навсегда лишено молитвеннаго зданія? На какомъ основаніи, далѣе, моленная можетъ быть отрываемая вновь *только* въ существующемъ уже строеніи, а не въ строеніи, специально для нея возведенномъ? Какъ поступить, если зданіе моленной пришло въ окончательную ветхость, и раскольниковое населеніе желаетъ замѣнить его другимъ, на другой улицѣ того же города? Законъ этого случая вовсе не предвидитъ; перенесеніе моленной изъ одного зданія въ другое не подходитъ ни подъ шестую, ни подъ восьмую статью правилъ 3-го мая. Можетъ ли быть открыто въ одномъ и томъ же городѣ нѣсколько раскольниковскихъ моленныхъ одного и того же толка? По буквальному смыслу ст. 8-й, этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно; а между тѣмъ, та-

жее разрѣшеніе его было бы явною несправедливостью по отноше-
нію къ городамъ, въ которыхъ раскольниковое населеніе считается
тысячами или десятками тысячъ (назовемъ, для примѣра, Саратовъ,
Вольскъ, Хвалнискъ). Несмотря на стѣснительный характеръ дѣй-
ствовавшаго до сихъ поръ законодательства о расколѣ, нѣсколько
моленныхъ одного и того же толка въ одномъ и томъ же городѣ
было явленіемъ довольно обыкновеннымъ, равно какъ и перенесеніе
моленной изъ одного помѣщенія въ другое; намъ положительно
извѣстны случаи этого рода. Строгое примѣненіе новыхъ правилъ
можетъ привести, такимъ образомъ, къ ограниченію *фактически*
существовавшей свободы раскольниковскаго богослуженія.

Въ случаяхъ, до сихъ поръ перечисленныхъ нами, администра-
ція дѣйствуетъ самостоятельно, безъ обязательнаго соглашенія съ
духовнымъ вѣдомствомъ, и это, безъ сомнѣнія, составляетъ суще-
ственное достоинство новаго закона, такъ какъ въ дѣлахъ, касаю-
щихся раскола, духовное вѣдомство является стороною, для кото-
рой безпристрастіе невозможно. Трудно объяснить себѣ исключеніе
изъ общаго правила, допущенное ст. 7-ю. На основаніи этой статьи,
распечатаніе раскольниковскихъ моленныхъ разрѣшается министромъ
внутреннихъ дѣлъ не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи
съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ. Можно сказать заранѣе, что
мнѣніе этого должностнаго лица не часто будетъ въ пользу рас-
печатанія моленной; въ виду традиціонной политики двухъ сто-
лѣтій, представитель духовнаго вѣдомства не можетъ легко со-
глашаться на такую мѣру, которую издавна принято считать соблаз-
номъ для правовѣрныхъ и поощреніемъ отступниковъ. Всего пра-
вильнѣе было бы, конечно, дозволить повсемѣстное открытіе запе-
чатанныхъ моленныхъ, или по крайней мѣрѣ опредѣлить разъ на-
всегда условія, при которыхъ оно возможно; но если это признано
неудобнымъ, то къ установленію различія между порядкомъ разрѣ-
шенія новой моленной и порядкомъ распечатанія старой во всякомъ
случаѣ не представлялось никакихъ основаній. Распечатаніе рас-
кольниковскихъ скитовъ и монастырей законъ 3-го мая запрещаетъ
безусловно. Фактически скиты и монастыри существуютъ у расколъ-
никовъ даже въ настоящее время; само собою разумѣется, что они
будутъ существовать и при дѣйствіи новаго закона. Они удовлетво-
ряютъ потребности, сильно распространенной между раскольниками
нѣкоторыхъ толковъ; переживъ эпоху преслѣдованій и стѣсненій,
они не могутъ исчезнуть въ эпоху сравнительной терпимости къ
расколу. Разъ, что это такъ, запрещеніе распечатывать скиты и мо-
настыри очевидно не достигаетъ своей цѣли и способствуетъ только
поддержанію воспоминаній, далеко не благоприятныхъ для сближе-

ніа раскольниковъ съ православною церковью—напр. воспоминаній о событіяхъ, сопровождавшихъ закрытіе скитовъ на Иргизѣ (въ Николаевскомъ уѣздѣ теперешней Самарской губерніи), лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ.

Полнѣйшаго сочувствія заслуживаютъ тѣ постановленія новаго закона, которыя даютъ раскольникамъ свободу передвиженія, свободу торговли и равное съ православными право на занятіе, по выбору, общественныхъ должностей. Весьма важно и то, что въ законѣ не дѣлается различія между сектами болѣе и менѣе вредными,—различія по необходимости произвольнаго и въ значительной степени основаннаго на предубѣжденіяхъ и предразсудкахъ. Отголосокъ его мы находимъ только въ ст. 12-ой закона, по которой министръ внутреннихъ дѣлъ—въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется его разрѣшеніе—сообразуется, между прочимъ, „съ нравственнымъ характеромъ ученія и другими свойствами каждой секты“. Большого значенія эта статья, въ нашихъ глазахъ, не имѣетъ, съ одной стороны потому, что она пытается регламентировать дискреціонное право министра, т.-е. нѣчто неподлежащее регламентаціи, съ другой стороны потому, что систематическое отклоненіе *смысла* ходатайствъ, исходящихъ отъ известной секты, слишкомъ рѣзко шло бы въ разрѣзъ съ яснымъ смысломъ закона. Еслибы законъ имѣлъ въ виду вовсе устранить тѣ или другія секты отъ пользованія вновь даруемыми льготами, онъ конечно выразилъ бы это прямо и откровенно; отсутствіе такого ограниченія заставляетъ думать, что дѣйствіе закона распространяется безразлично на всѣ толки и ученія, соединяемые (не совсѣмъ точно) подъ общимъ именемъ раскола ¹⁾. Не слѣдуетъ забывать, что ближайшее прошедшее представляетъ уже одинъ примѣръ подобнаго отношенія къ расколу: законъ 19 апрѣля 1874 г. о доказательствѣ раскольниками правъ по происхожденію и имуществу также не знаетъ различія между сектами, болѣе или менѣе вредными.

Последнимъ словомъ законодательства о расколѣ правила 3 намъ нельзя признать уже потому, что они не касаются вовсе многихъ существенно-важныхъ сторонъ вопроса. Мы указывали недавно на необходимость пересмотрѣть законъ 19 апрѣля 1874 г., почти все остающійся безъ примѣненія на практикѣ; столь же необходимо регулировать положеніе раскольническихъ школъ, пріютовъ, богаделенъ. Всѣ эти учрежденія существуютъ теперь какъ бы контрабан-

¹⁾ Оговорка, сдѣланная въ ст. 1-й относительно выдачи паспортовъ евангелистамъ, подтверждаетъ наше заключеніе, въ силу известнаго принципа: „l'exception confirme la règle“.

дой, постоянно борясь съ преградами и затрудненіями всякаго рода. Подойти подъ дѣйствіе положенія 25 мая 1874 г. раскольническая начальная школа не можетъ, такъ какъ въ ней немислимо преподаваніе закона Божія по ученію православной церкви; воспользоваться правилами, установленными недавно для домашняго обученія грамотѣ, она можетъ только съ большой натяжкой, какъ потому, что эти правила непригодны въ городамъ, такъ и потому, что между домашнимъ обученіемъ и школой, въ настоящемъ смыслѣ слова, существуетъ разница, открывающая полный просторъ внимательству того или другого блюстителя школьныхъ порядковъ. Къ числу такихъ блюстителей принадлежатъ чины полиціи и православные священники, не потерявшіе еще вѣками влзгвѣнной привычки прижимать или эксплуатировать раскольниковъ. Узаконить раскольническія школы, не значило бы создать нѣчто новое, а только оградить существующее отъ вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ произвола. То же самое слѣдуетъ сказать и о раскольническихъ богадельняхъ. Если вѣрить газетнымъ слухамъ, петербургскіе раскольники намѣрены ознаменовать изданіе закона 3 мая учрежденіемъ въ столицѣ новой богадельни, подъ названіемъ александровской. Исполненіе этого намѣренія не встрѣтитъ, по всей вѣроятности, никакихъ серьезныхъ препятствій—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы столь же легко было достигнуть чего-либо подобнаго въ провинціальной глуши, въ обыкновенное время.

До изданія закона 19 апрѣля 1874 г., отношеніе нашего законодательства къ расколу было безусловно-отрицательное. За расколомъ вовсе не признавалось права на существованіе; законъ упоминаетъ о немъ только для того, чтобы запретить то или другое его проявленіе, чтобы подвергнуть послѣдователей его тому или другому стѣсненію, угрожать имъ той или другой карой. Ненормальность такого положенія вещей была сознава уже давно, даже въ правительственныхъ сферахъ; проектъ реформы, для тогдашняго времени весьма широкій, былъ составленъ уже въ 1864 г.—но для осуществленія его, и то не полнаго, понадобилось почти двадцать лѣтъ. Колебанія и противодѣйствія, такъ долго задерживавшія ходъ преобразованія, отразились и на содержаніи обоихъ законовъ, измѣнившихъ юридическій и церковный бытъ раскольниковъ. Нельзя сказать, чтобы на мѣсто одного принципа прямо и рѣшительно былъ поставленъ другой, противоположный. Полная нетерпимость замѣнена условною, ограниченою терпимостью, предѣлы которой не опредѣлены, разжѣры—до крайности эластичны. Покровительство закона дано раскольникамъ не какъ право, а какъ милость, о которой они должны каждый разъ просить, безъ всякой гарантіи въ томъ, что ходатай-

ство ихъ будетъ уважено. Болѣе чѣмъ страннымъ, въ виду всего этого, представляется увѣреніе „Московскихъ Вѣдомостей“, что „о притѣсненіи раскольниковъ не можетъ быть отнынѣ и рѣчи, а развѣ о возможности случаевъ проявленія нетерпимости со стороны раскольниковъ и ихъ давленія на православныхъ“. Нетерпимость со стороны раскольниковъ, давленіе ихъ на православныхъ! Гдѣ та статья новыхъ правилъ, которая даетъ поводъ говорить о чемъ-либо подобномъ? Мыслима ли нетерпимость со стороны тѣхъ, которые, въ сущности, по прежнему остаются малоправными (не какъ граждане, а какъ послѣдователи извѣстнаго вѣроученія), которые не могутъ сдѣлать шага безъ разрѣшенія высшей власти, не могутъ громко высказать своихъ вѣрованій безъ опасности навлечь на себя уголовное преслѣдованіе? Если называть нетерпимостью со стороны раскольниковъ нерасположеніе къ православнымъ, уклоненіе отъ общенія съ ними, то подобная нетерпимость существуетъ издавна, и новый законъ можетъ только уменьшить ее, а отнюдь не увеличить. „Раскольникамъ“, утверждаетъ та же газета, „дозволено общественное богослуженіе съ возбраненіемъ лишь того, что могло бы стать инымъ соблазномъ для православныхъ“. Не особенно лестенъ ли православныхъ взглядъ, выраженный въ этихъ словахъ; не творда та вѣра, камнемъ преткновенія для которой могла бы послужить риза, надѣтая на расколическаго *настаника* (выраженіе: расколическій священникъ также принадлежитъ, повидимому, къ категоріи соблазновъ), или крестъ, водруженный на расколической колелной! Почему же, притомъ, не соблазняетъ православныхъ кулуль католической или протестантской церкви, чалма муллы, минаретъ мечети? Мы встрѣчаемся здѣсь съ предрасудкомъ, сильно распространеннымъ въ извѣстныхъ сферахъ, служившимъ и служащимъ до сихъ поръ однимъ изъ главныхъ препятствій къ правильному разрѣшенію вопроса о расколѣ. Съ точки зрѣнія, противъ которой мы возражаемъ, расколъ, во всѣхъ своихъ разнообразныхъ формахъ, рассматривается не какъ вѣроученіе, удовлетворяющее религиозныя потребности своихъ приверженцевъ, а какъ отступничество отъ православія. Происхожденіе его заставляетъ забывать о томъ значеніи, какое онъ имѣетъ въ настоящее время. Для убѣжденнаго, вѣрующаго раскольника, въ особенности если онъ принадлежитъ къ расколу отъ рожденія, вѣрованія его секты такъ же дороги, такъ же священны, какъ для вѣрующаго католика—католицизмъ, для вѣрующаго еврея—иудаизмъ. Происхожденіе, исторія этихъ вѣромній—для него вопросъ сравнительно неважный. Не его вина, что они сложились не такъ давно, путемъ отдѣленія отъ церкви. Борьба католицизма противъ протестантскихъ ученій была понятна въ свое

время; но что сказали бы мы объ ограниченіи религіозной свободы протестантовъ въ современномъ католическомъ государствѣ—ограниченіи, основанномъ только на томъ, что протестантизмъ возникъ въ средѣ католической церкви?.. Однажды признавъ за своими подданными свободу вѣроисповѣданія, государство не должно стѣснять ее для однихъ больше, чѣмъ для другихъ, только потому, что предки первыхъ принадлежали вѣсегда къ господствующей въ государствѣ церкви. Уравненію раскола съ другими иновѣрными ученіями было бы первымъ шагомъ къ истинной вѣротерпимости; полною же свободою совѣсти считается признаніе за всеми и каждымъ безусловнаго права переходить изъ одного вѣроисповѣданія въ другое. Религію трудно предписывать свѣтскою властью, охранять уголовными карами. Примѣръ государствъ, опередившихъ Россію на пути религіозной свободы, показываетъ съ полною ясностью, что вѣра громадной массы остается неизмѣнной и при отсутствіи внѣшнихъ стѣсненій. Всякое уменьшеніе этихъ стѣсненій приближаетъ насъ къ полной ихъ отмінѣ; на полу-дорогѣ возможны остановки, иногда весьма продолжительныя, но невозможно окончательное успокоеніе. Пожелаемъ, въ заключеніе, чтобы правилами 3-го мая могли воспользоваться всѣ виды раскола, не исключая и новѣйшихъ, и чтобы подъ дѣйствіе ихъ подошли съ одной стороны штундисты, съ другой — наиковцы, молитвенныя собранія которыхъ обращали на себя въ послѣднее время черезъ-чуръ ревностное вниманіе полиціи.

Другимъ закономъ, также состоявшимся 3-го мая, выморочныя имущества, остающіяся послѣ потомственныхъ дворянъ, записанныхъ въ дворянскую родословную книгу, обращены въ собственность тѣхъ дворянскихъ обществъ, къ составу которыхъ умершій принадлежалъ. Большого практическаго значенія эта мѣра не имѣетъ, потому что выморочныхъ имуществъ, остающихся послѣ дворянъ, безъ сомнѣнія, немного; но она вызвана ходатайствами дворянскихъ собраній, а потому могутъ спросить, не служатъ ли это однимъ изъ признаковъ торжества „дворянскаго принципа“, о которомъ такъ много толковали, въ послѣднее время, наши газеты?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, припомнимъ, что назначеніе выморочныхъ имуществъ опредѣляется гражданскими законами, надъ пересмотромъ которыхъ работаетъ теперь особая коммиссія. Безусловно несомнѣнными съ такою работою частныя реформы въ области гражданскаго права конечно назвать нельзя; есть потребности, настоятельно требующія удовлетворенія, есть пробѣлы, пополненіе которыхъ не допускаетъ продолжительной отсрочки. Въ данномъ